

Традиция — это форма избирательного усвоения прошлого опыта

А.И. Соловьев, доктор политических наук

В целом я разделяю пафос доклада и установку автора на то, чтобы создать некий гармоничный социальный механизм, позволяющий добиваться оптимизации форм жизнедеятельности человека, систем управления. В общем, идея, безусловно, благородная. Правда, С.С. Сулакшин уточнил, что было бы неплохо, чтобы такой механизм сложился раз и навсегда. Но мне это представляется весьма иллюзорным соображением: человек — слишком сложное существо, чтобы создавать универсальные механизмы жизнедеятельности, способные одинаково успешно действовать во всех исторических контекстах.

Для прояснения своей позиции я хотел бы уточнить некоторые когнитивные аспекты вопроса. И, прежде всего, отметить тот факт, что используемые в докладе понятия применяются очень неоднозначно. Модернизм, насколько мне известно, может интерпретироваться в трех измерениях: как процесс совершенствования в целом; как процесс осовременивания, т. е. приведение структур и процессов (и одновременно — наличного или прошлого опыта) в соответствие с нормативными требованиями социального контента; как специфический тип трансформаций в процессе перехода от доиндустриальной (аграрной, традиционной) эпохи к индустриальной. Часто превалирует второе понимание модернизации. Неслучайно об этом говорил В.М. Межуев, заостряя вопрос о том, что мы можем оказаться в положении страны, расположенной на большом географическом пространстве,

но пребывая при этом в прошлом веке. В докладе же акцентируется аспект модернизации в более узком смысле, как отражение перехода от общества с традиционным укладом к современному. Это уже характеристика соотношения различных, но конкретных социумов, которые обладают совершенно определенным набором критериев — экономических, социальных, духовных и проч. И если все эти критерии соотнести и проанализировать, то получится их принципиальное взаимное отторжение, потому что традиционализм, как модель социального развития, не приемлет те структуры, те механизмы управления и регулирования человеческой деятельности, которые предлагает модернизм. Ибо это общество построено на совершенно иной — рациональной, разумной основе. И оно несовместимо с механическим сохранением традиций, встраиванием архаики в социальную ткань развития. Ну, а поскольку это несовместимые компоненты, то идея доклада внутренне разрушается, точнее — превращается в некую иллюзию.

При этом нельзя забывать, что традиция — это форма *избирательного* усвоения прошлого опыта. И сознание человека, группы, общества всегда фиксирует то, что конкретно может быть заложено в сетевую или универсальную коммуникацию для того, чтобы транслировать тот или иной прошлый опыт. И потому возникает традиция, что человек востребует из прошлого *позитивный* опыт. Никто негативный опыт не переносит в настоящее, не пытается его актуализировать в каких-то предметных формах. В таких случаях это будет чисто умозрительная традиция. И не забудьте, что помимо традиции существуют обычаи, архетипы, стереотипы, т. е. другие формы трансляции прошлого опыта. В этом смысле, конечно, традиция — это базовый, но все же не единственный механизм, который пытается переместить прошлое в настоящее, используя какие-то положительные его моменты для проектирования будущего. В таком случае вся проблема заключается в *качестве* того актора, агента, который начинает актуализировать весь этот опыт.

Не спору, традиции формируются и в настоящее время. Но получается, что если вы обращаетесь к деятельности агента конкретного общества, то здесь возникают сугубо культурные конструкции, которые весьма точно реагируют (не воспринимают, воспринимают, усиливают, ослабляют и проч.) любые — универсальные, мегауниверсальные или иные — зависимости. И выровнять их реакцию невозможно. В этом смысле в докладе оказалось очень много смысловых отсылок к концепту цивилизации, попыток как-то ухватить этот пласт социальной энергетики. Но оказалось, что кроме общих соображений там отсутствуют представления о том, как же его можно идентифицировать (и тем более отразить в количественных формах): такая неуловимая докультурная, посткультурная, метакультурная реальность. И потому вопрос о том, как встроить цивилизацию в производство искомым социальных механизмов устойчивого развития общества, остался открытым. А практически получается, что сделать это невозможно.

Одним словом, нельзя забывать, что традиция тоже развивается, и развивается стихийно. И здесь возникает еще один методологический вопрос, который нельзя упрощать. Я обращаюсь к схеме, нарисованной С.С. Сулакшиным, где развитие представлено как синтез статики и изменчивости. Но изменчивость — это процессуальная характеристика, а развитие — это качественный показатель этих изменений (ведь наряду с ним могут иметь место и стагнация, и функционирование, и упадок). Короче говоря, у процесса существуют разные формы осуществления и развитие не всегда является показателем того или иного взаимодействия государства и общества. А если взять различные формы движения этой процессуальности? Если принять во внимание какие-то турбулентные формы, синусоидальные, связанные с попятным, возвратным движением? Тогда все еще усложнится и надо будет предлагать новые теоретические схемы для того, чтобы уловить именно этот формат изменений.

У меня такое ощущение, что вся представленная в докладе картинка исходит из одного типа — линейно-восходящей эволюции жизни. То есть совсем-совсем не реалистичного. Я говорю об этом только потому, что сама по себе проблема, которая поставлена в докладе, конечно, шире содержания доклада. Но чтобы более-менее адекватно ее отобразить, совместить изменчивость со стабильностью или, скажем так, с пониманием того, какие формы изменений необходимо институализировать, включать в структуру общества или систему управления (и одновременно интернализировать в каких-то формах знаний или культуризировать в каких-то формах мышления или стилях поведения), необходимо более точно смотреть на сам объект рефлексии. Иначе можно придти к совсем уж банальным выводам: надо, мол, совмещать изменчивость с устойчивостью, и это хорошо. Никто с этим не спорит. Но как провести грань между этими пределами социального порядка, понимая, что устойчивость в своем высшем проявлении есть смерть общества, а изменчивость — дезорганизация и хаос. Человечество всегда пытается соединить эти два направления эволюции. Но теоретик и должен показать, как это сделать, предложив адекватные теоретические схемы. И понимая при этом, что создать эти скрепы навечно невозможно.

Одним словом, мне представляется, что сама по себе исследовательская парадигма должна от другого отталкиваться, от других оснований и пользоваться иной технологией анализа. То есть, мы берем конкретный социум в его социокультурном (политикокультурном) выражении и тогда смотрим, каким образом в данном социуме может быть выстроен такой механизм. Конечно, здесь таится, порой, полная непросчитываемость такого проектирования, ибо духовность, аксеологические характеристики социума до конца непроницаемы для гносеологии. То есть, можно понять, что происходит, но не объяснить этого. И здесь надо как-то вовремя остановиться, понять, что наука не может — тем более в количественных формах — описать такие сложные процессы.

Некоторое время назад на одном из семинаров мы говорили о дологических формах мышления, о потенциале интуиции в социальном познании. В докладе эта форма мысли тоже представлена достаточно. Но даже используя такие подходы, нельзя претендовать на открытие неких всемирных законов или трендов. Надо стоять на земле, более точно и реалистично рефлексировав на соотношение изменчивости и стабильности.

А.И. Неклеса:

Единственное, что бы я оговорил, это многозначность понятия «традиция». У нас в дискуссии время от времени происходит смешение категориального аппарата и лексического или метафорического употребления социально-гуманитарных понятий. Это свойственно соответствующим дисциплинам — своего рода, прошу прощения за тавтологию, их родовой грех. Ну, скажем, те же «устойчивость» и «развитие». Они в дискуссии интуитивно сопрягаются соответственно с традицией и модернизмом. Но в культуре Модернити есть своя устойчивость и свое понимание развития, так же и в традиции. Все-таки необходимо более корректно подходить к словоупотреблению, когда речь касается тех или иных категорий. Различать, когда мы говорим о традиции как о своего рода бытовом состоянии, о бытовом понимании традиции, и когда мы употребляем данный термин как дисциплинарную категорию, которая очерчена определенными рамками. Иначе мы должны обосновать то или иное оригинальное словоупотребление.